

А. К. ЖОЛКОВСКИЙ

О ГЛУБИННОМ И ПОВЕРХНОСТНОМ СИНТАКСИСЕ

(на материале языка сомали)

I

В настоящее время более или менее общепризнанным стало мнение, что задача лингвистического описания — моделировать, т. е. научным образом «имитировать» языковую способность носителя языка (говорящего или слушающего¹). Такой взгляд на задачи описательной лингвистики, в сущности, всегда проводился — с большей или меньшей степенью сознательности и последовательности — в конкретных описаниях языков; в трансформационной грамматике этот принцип получил четкую и эксплицитную формулировку.

Суть языковой способности, подлежащей моделированию, может пониматься по-разному. В частности, наиболее широко распространено следующее понимание (впервые предложенное Н. Хомским): способность говорящего — это способность порождать (перечислять) все правильные, «грамматические» (grammatical) предложения данного языка и только такие предложения².

Возможно, однако, и иное понимание языковой способности и соответственно задач лингвистического описания. Представляется более естественным стремиться к формализации того достаточно банального представления, что язык — это средство выражения мыслей, т. е. заниматься построением аппарата, автоматически решающего не вопрос «Можно ли так сказать по-русски (по-английски, по-сомалийски и т. п.)?», а вопрос «Можно ли так сказать по-русски, имея в виду выразить такой-то смысл?» или, вернее, «Как можно по-русски выразить данный смысл?»³.

Подход к языку как к механизму, переводящему смысл в текст, т. е. получающему откуда-то извне некоторое готовое смысловое задание и перерабатывающему его в хороший текст на естественном языке, диктуется

¹ В настоящей статье речь пойдет только о поведении говорящего, т. е. об «активной» грамматике; от проблем анализа мы здесь полностью отвлекаемся.

² Бесспорно, данная здесь формулировка задач трансформационной грамматики является очень огрубленной, особенно если учесть, что некоторые последователи Хомского, развивающие семантическую сторону его теории (Кац, Постал, Лаков и др.), формулировали более сильные, «содержательные» требования к порождаемым предложениям, и разработали соответствующий лингвистический аппарат. Но в главном интересующем нас пункте («слабый», формальный вариант трансформационной модели, «сильный», содержательный вариант единь: они занимаются именно порождением текста (и даже смысла) «из ничего», из символа предложения — S.

³ Ср. И. А. М е л ь ч у к. Об одном классе фразеологических сочетаний (описание лексической сочетаемости с помощью семантических параметров). — В кн.: «Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. Материалы Межвузовского симпозиума. Ноябрь 1968», Тула, 1968, стр. 63; А. К. Ж о л к о в с к и й, И. А. М е л ь ч у к. К построению действующей модели языка «смысл — текст». — В сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 11, М., 1969.